

ДОКУМЕНТОЛОГИЯ. ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ

УДК 002.1

DOI: 10.33186/1027-3689-2021-8-13-38

А. В. Соколов

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Документ как предмет научного познания

Аннотация: Проблема уровней научного знания – одна из главных тем современной философии науки и эпистемологии (теории познания). Наибольшим признанием в документосфере как области социально-культурного производства пользуется трёхуровневая модель: эмпирическое, теоретическое, философское научное знание. Охарактеризованы коллизии, отражающие противоречия между теоретической документологией и эмпирическими науками – документоведением и книговедением. Положительно оценён уровень эмпирического познания в документосфере, сопоставлены теоретико-методологические подходы трёх типов: информационный, конвенциональный, медиологический. Скептически комментируется следующая декларация: понятие документа в своей сущности относительное, конвенциональное и условное.

Рассмотрена «Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 г.». Сделан вывод: она должна быть дополнена научной стратегией, нацеленной на прогресс всех уровней эмпирического, теоретического и философского знания. С тревогой констатируется отсутствие философского уровня в познании документа. Мудрость философии в том, что она учитывает как рациональную, так и иррациональную стороны изучаемых реалий. Учитывая рациональные и иррациональные качества документа, автор предлагает философское определение: документ – удостоверение человечности, существующей в социальном пространстве и историческом времени. Данное определение предполагает не только антропологические или национальные вариации *homo sapiens*, но и философское понимание человечности как единства противоположностей материального и идеального начал мироздания.

Ключевые слова: библиографоведение, библиотековедение, документоведение, документология, знание, информация, иррационализм, книговедение, новое книговедение, коллизия, рационализм, теория, уровни познания, философия, эмпиризм.

DOCUMENTOLOGY. DOCUMENT STUDIES

UDC УДК 002.1

DOI: 10.33186/1027-3689-2021-8-13-38

Arkady V. Sokolov

St. Petersburg State Institute of Culture,

St. Petersburg, Russian Federation

The document as a cognitive object

Abstract: The problem of scholarly knowledge strata is one of the key subjects in modern philosophy of science and epistemology (theory of knowledge). The three-level model is the most popular in the document sphere as a sociocultural domain; it comprises empirical, theoretical and philosophical scientific knowledge. The author describes collision and contradictions between theoretical documentology and the empirical disciplines of document studies and book studies. He appraises achievements of empirical knowledge in the documentsphere and compares theoretical and methodological ways of three types: informational, conventional and mediological ones. The author is skeptical about the following statement: the concept of document is relative, conventional and conditional in its essence. The author examines “The Strategy for Librarianship in the Russian Federation for the Period up to the Year 2030”. He insists that the Strategy has to be supported by the scientific strategy aimed to promote each level of empirical, theoretical and philosophical knowledge. He is also concerned about lacking philosophical level in document studies. The wisdom of philosophy lies in its comprising both rational and irrational sides of objects being studied. With document rational and irrational attributes in view, he offers the philosophical definition of document: document is the statement of humanness within social environment and historical time. This definition comprises anthropological and national variations of homo sapiens and philosophical concept of humanness as the unity of the opposite universal principles – the material and ideal.

Keywords: bibliography science, library science, document studies, documentology, knowledge, information, irrationalism, book studies, new bibliology, collision, rationalism, theory, levels of knowledge, philosophy, empiricism.

Постановка задачи

Документивные коллизии

В начале 2021 г. на страницах журнала «Научные и технические библиотеки» опубликованы две профессионально-мировоззренческие статьи Ю. Н. Столярова, посвящённые появлению и этапам развития документологии [1] и обоснованию основополагающих понятий всеобщей теории документа [2]. Обращение к научным основаниям книжного и библиотечного дела, так или иначе связанным с понятием *документ*, привлекает внимание. Осмысление документологии как всеобщей теории документа продиктовано потребностями разумной организации документных коммуникаций и библиотечно-информационного образования.

Известно более дюжины академически признанных наук о документе, в том числе архивоведение, библиографоведение, библиотековедение, документалистика, документоведение, документология, журналистика, источниковедение, книговедение, криминалистика, музееведение и др. (перечень далеко не завершён). Кроме того, существует десяток так называемых вспомогательных (специальных) исторических дисциплин – бонистика, геральдика, дипломатика, инкунабуловедение, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика и других, изучающих отдельные виды документов.

Документосфера – область социально-культурного производства, в которой создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации – документы, развивается стихийно, хаотично, что, естественно, порождает коллизии.

Коллизия обычно понимается как столкновение противоположных взглядов, стремлений, интересов; в юриспруденции – как противоречие законодательных актов; в научном познании – как несовместимость выводов и рекомендаций различных исследований. Неологизм «документивный» мы заимствуем из документологического тезауруса Ю. Н. Столярова, в котором «документивность» означает «приоритет документа» [Там же. С. 25]. Отсюда понятие *документивная коллизия*, отражающее противоречия между теоретической документологией и другими документными науками, прежде всего документоведением и книговедением. Представители последних мыслят эмпирично и

прагматично, как правило, жалуясь на кризисное состояние документооборота и книжного дела. Приведём примеры документивных коллизий.

Идея науки о документе родилась в недрах архивоведения, но изначально презентовала себя не как отрасль архивоведения, а как самостоятельная теория документа и документирования, охватывающая архивные документы, но не ограничивающаяся этим. История отечественного документоведения началась со статьи профессора К. Г. Митяева (1902–1969) «Документоведение, его задачи и перспективы развития», опубликованной в 1964 г.

В 1966 г. был организован Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), сосредоточившийся на изучении функций документов в управленческой деятельности и построении конкретных систем делопроизводства – предмете так называемого управленческого документоведения. Почти 50 лет спустя директор ВНИИДАД М. В. Ларин не без горечи признавал в одном из выступлений: «Документоведение как научная дисциплина только ещё складывается... предстоит определиться с существенными характеристиками главных объектов и предметов для изучения – документов и систем документации». Он предлагал не включать книговедение в документоведение и отказаться от концепции, «согласно которой документ – это универсальное понятие, любая записанная информация» [4].

Документивная коллизия отчётливо просматривается в работах теоретиков управленческого документоведения, утверждающих: «Документ и книга – два совершенно разных информационных объекта, которые имеют разные цели, предназначены для решения разных социальных задач и различаются технологиями создания, хранения и использования». Принципиальное различие между ними в том, что «всякий официальный документ или частное письмо – правдивый, объективный свидетель прошлого, его материальный остаток; всякая же рукопись литературного, научного и исторического характера есть лишь мнение о фактах и явлениях, по своей природе всегда субъективное» [5]. Следовательно, отношение между документами и книгами – это отношение первичного и вторичного, ибо архивы хранят достоверную «первичную информацию», а библиотеки распространяют в обществе мнения авторов «вторичной информации». Поэтому решительно

отмечаются претензии библиотечных документологов на разработку общей теории документа и рассмотрение книг как разновидности документов.

Налицо стремление управленческого документоведения к гегемонии в документосфере – типичный повод для коллизии, а то и конфликта в среде интеллигентов-книжников. Однако библиотечные документоведы оказались более миролюбивыми, чем управленцы-архивисты, о чём свидетельствует общепрофессиональный курс «Документоведение», изучаемый в библиотечно-информационной школе.

Курс призван сформировать у студентов представления о документах, их видах, областях применения, процессах функционирования и истории развития, об элементах, структуре и закономерностях документальных потоков. В основе курса – две сложившихся во второй половине XX в. дисциплины «Книговедение. История книги» и «Информатика, документалистика». Почему-то библиотечные документоведы позабыли о теории документологии. Тем не менее нельзя не признать достижением библиотечно-информационного образования подготовку двух солидных учебников: [6, 7].

В этих учебниках утверждается: понятие *документ* неоднозначно, констатируется (вслед за Г. Н. Швецово-Водкой) существование восьми типов документов, используемых в институтах социального познания, социальной коммуникации, социального управления, в том числе любой материальный объект для передачи информации в обществе и любая запись информации [8]. В итоге в библиотечно-информационном учебнике по общему документоведению *документ* определяется как «информация, зафиксированная на материальном носителе и предназначенная для её сохранения и передачи во времени и в пространстве» [6. С. 69]. Из определения следует, что документ – это разновидность овеществлённой социальной смысловой информации, предназначенной для коммуникации в общественном пространстве и в историческом времени. Примем это к сведению.

В европейской философии коммуникации в минувшем столетии сложились два независимых, конкурирующих тренда. Назовём их условно: «линия Поля Отле» и «линия Маршалла Маклюэна».

«Гениальный мечтатель» Поль Отле (1868–1944) – основоположник документации как международного культурно-коммуникационного движения. В 1895 г. он инициировал организацию международного Библиографического института в Брюсселе, цель которого – создание Всемирного библиографического репертуара, охватывающего все виды печатной продукции. Универсальная десятичная классификация (УДК) была задумана как классификационная система фондов Всемирного репертуара, который не ограничивался бы книгами, а распространялся и на газеты, журналы, фирменные отчёты и прочие «микроиздания», имеющие практическую ценность в индустриальном обществе.

Таким образом, документация преодолела ограничение библиографии книжной продукцией и выступила универсальной библиографической службой, комплектующей как «макро-», так и «микродокументы». Поскольку европейские и американские фирмы нуждались в подобном информационном сервисе, Библиографический институт быстро превратился в Институт документации, а в 1938 г. – в Международную федерацию по документации, просуществовавшую до 2002 г.

Призывы Б. С. Боднарского (1874–1968) в первые годы советской власти «организовать документацию» не были услышаны. Только в 1960-е гг., в процессе построения Государственной системы научно-технической информации, Поль Отле был признан «пионером информатики и документалистики». Сегодня, в условиях постиндустриальной цивилизации, его идеи развивает научная школа документологии Ю. Н. Столярова.

Пророческое дарование канадского философа, литературоведа, теоретика коммуникации Маршалла Маклюэна (1911–1980) принесло ему репутацию «медиума медиа». Термин *медиум* («средний», «промежуточный») в спиритизме понимается как «посредник в коммуникации со сверхъестественными силами». *Media* – множественное число от лат. *медиум*. В лучшем сочинении Маклюэна – «Галактике Гутенберга» [9] – космическая эволюция человечества делится на три эры в зависимости от коммуникационных медиа. Первая – «золотой век» дописьменного варварства, когда жизнь первобытного общества была детерминирована устными средствами естественной аудиовизуальной коммуникации.

Вторая – эра Галактики Гутенберга – характеризуется господством письменности и печати, исказившем природу человека и ставшем причиной кризисов современной цивилизации. С появлением печатного станка в обществе распространились схоластика, индивидуализм и национализм, породившие «типографского и индустриального» эгоиста. Надежду возродить первобытную гармонию Маклюэн связывал с эрой электричества (Галактика Маркони), когда на смену книжной коммуникации придут телевидение и другие электрические медиа.

Славу теоретика медиа и основоположника медиалогии как научной дисциплины Маклюэну принёс бестселлер «Понимание Медиа: Внешние расширения человека» [10]. Исходя из афоризма «*The Medium is the Message*» («Средство коммуникации есть сообщение»), классик медиалогии утверждал, что всё окружающее нас может служить медиумом, если только с его помощью нам хотят что-то сообщить. На этом основании Маклюэн относил к медиа не только книги и печатную продукцию (Галактику Гутенберга), но и телефон, кино, радио, телевидение (Галактику Маркони), а также речь, числа, деньги, одежду, жилище, дороги, транспорт (от велосипеда до самолёта) и прочие «технические расширения человека». В 1990-е гг., с наступлением эпохи интернета, слова Маклюэна о мире как «глобальной деревне» стала созвучна времени. Работы медиума применяют при познании практических процессов медиакоммуникации, происходящих в отраслевых социальных институтах индустриально-информационного общества, при анализе медиакультуры в целом.

Отечественные книговеды-новаторы, поставившие вопрос о сущностном и масштабном обновлении документально-коммуникационных дисциплин, не прошли мимо наследия «пророка из Торонто». Сформирована научная школа, которую возглавил заведующий кафедрой медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры Д. А. Эльяшевич. Констатируя кризис Галактики Гутенберга, представители школы заявили: «Совершенно очевидно, что в переосмыслении нуждается концепт “книга”, на протяжении многих столетий являвшийся основой системы медиакоммуникаций и ключевым агентом социальных, культурных, политических изменений» [11. С. 44].

Казалось бы, переосмысление концепта «книга» логично начать с обращения к понятию *документ* и уточнения соотношения «документ – книга», однако учёные-книжники пошли иным путём. Д. А. Эльяшевич в статье [12] объяснил причины современного кризиса российского книговедения губительной подменой книговедения документологией – «методологически беспомощной псевдонаукой... иллюзией, у которой нет будущего». Он призвал рассматривать книговедение как составную часть медиалогии – науки о средствах и способах коммуникации, используемых для производства, фиксации и распространения символических форм во времени и в пространстве, без обращения к документам [11. С. 43]. Таким образом, современный документивный конфликт обусловлен стремлением школы Маклюэна исключить понятие *документ* из терминологии «нового книговедения», с чем последователи Поля Отле не могут согласиться. Электронная книга представляет собой не только один из видов книги наряду с печатной и рукописной, но и мультимедийный сектор документосферы, воплощающий «дерзкие идеи Поля Отле о всемирной энциклопедии и Герберта Уэллса о мировом мозге» [7. С. 450–458].

Итак, более чем столетние дискуссии книговедов, библиографов, библиотековедов, архивистов, информатиков и интеллигентов-книжников различных отраслей знания привели к конфликтогенному пониманию сущности документа и структуры документосферы. Впрочем, нет и однозначных ответов на вопросы «Что есть книга?», «Что есть медиа?». Наивно думать, что в конфликтах виновато несчастное нынешнее поколение теоретиков, практиков и педагогов библиотечно-книжного дела. Сложившаяся ситуация не случайна, а закономерна. Чтобы не заблудиться в хаосе стихийного познания, желательно, во-первых, систематизировать знания, полученные в результате познавательного процесса; во-вторых, оценить достижения и пробелы познания; в-третьих, наметить завтрашнюю и послезавтрашнюю повестку.

Уровни познания документа

Эпистемология документознания

Проблема уровней научного знания – одна из главных тем современной философии науки и эпистемологии (теории познания) [13]. Наибольшим признанием пользуется трёхуровневая модель: эмпирическое, теоретическое, философское научное знание.

Эмпирическое знание – результат интерпретации чувственных данных, полученных в ходе наблюдения и экспериментов, и оформленное в виде описаний фактов и законов. Эмпирические факты и законы – результат индуктивного обобщения (восхождения от частного к общему), дающего предположительное, вероятностное знание, поэтому эмпирическое знание считается гипотетическим. Эмпирической дисциплиной является классическое книговедение, изучающее книжное дело – системный комплекс, включающий издательское дело, полиграфию, книжную торговлю, библиотечное дело и библиографию. Для их исследования применяются типичные эмпирические методы: описательный, статистический, сравнительный, типологический, палеографический, типографический, библиографический [7. С. 10–15].

Об эмпиризме книговедения прекрасно сказано в учебнике для бакалавров библиотечно-информационной деятельности: «Главным, основополагающим источником знаний для книговеда служит сама книга как таковая. Книга является не только составной частью объекта книговедения как науки, но и источником информации о себе самой. В этом – её уникальность и непреходящее значение» [Там же. С. 18, 19]. Несмотря на гипотетичность эмпирического знания, «современный уровень развития источниковедения и историографии книговедения и истории книги позволяет говорить о них как о вполне зрелых и состоявшихся науках гуманитарного и библиотечно-информационного циклов» [Там же. С. 27].

Благодаря эрудированным авторам эмпирические книговедческие дисциплины в нашей стране и за рубежом используют многочисленные частные дефиниции понятия *книга*, а сущностное неформальное определение феномена «книга» пока не разработано. Зачастую приходится

довольствоваться элементарной формулировкой: «непериодическое издание в форме кодекса не менее 48 страниц, не считая обложки», достоинство которой в том, что она позволяет легко отличить книгу от «не-книги».

Другое дело – документы. На основе чувственных методов наблюдения и эксперимента трудно удостовериться, что данный объект есть именно документ. Почему? Потому что чувственно воспринимаемые документы, в отличие от книг и прочих произведений письменности и печати, вообще отсутствуют в эмпирической действительности. Дело в том, что документ – элемент не эмпирического, а теоретического уровня знания.

Теоретическое мышление посредством идеализации (интеллектуальной интуиции) создаёт духовные предметы, называемые «идеальными объектами»; их мир образует теоретический уровень знания, качественно отличающийся от эмпирического. Идеальные объекты невозможно наблюдать, они постигаются только умозрительно. Можно подарить книгу, а идеальный объект подарить нельзя. Его познавательная ценность заключается в том, что он объективно фиксирует и описывает сущностное содержание мира, тогда как эмпирическое знание ограничивается миром явлений.

По этой причине понятие *документ* в эмпирических дисциплинах (библиотечное документоведение, классическое книговедение) должно трактоваться иначе, чем в общей теории документа, представленной в документологии, разрабатываемой научной школой Ю. Н. Столярова. Стало быть, закономерно должна проявляться коллизия между уровнем эмпирического знания и теоретическим уровнем. Но, как ни странно, в современных документных науках и библиотечно-информационном образовании этого не происходит. Рассмотрим почему.

Документ в библиотечном документоведении, как уже отмечалось, – это «информация, зафиксированная на материальном носителе и предназначенная для её сохранения и передачи во времени и пространстве» [6. С. 69]. Приятно, что взгляды документоведов-библиотековедов совпадают с позицией профессора Томского университета Н. С. Ларькова, озабоченного формированием науки о документе, способной обеспечить «глубокое проникновение в социальную и информационную сущность документа». Авторитетный учёный опреде-

ляет документ как «включённую в социальную коммуникацию семантическую структурированную информацию, искусственно закреплённую на материальном носителе в стабильной знаковой форме» [14. С. 42].

Недоумение возникает из-за того, что эмпирические документо-ведческие определения документа, вопреки ожиданиям, хорошо согласуются с классической теоретической формулировкой, предложенной Ю. Н. Столяровым в 2013 г.: «**Документ** – это информация на материальном носителе, зафиксированная искусственным способом в знаковой форме» [15. С. 125]. Налицо замечательный факт: закономерная документивная коллизия между документоведением и документологией при определении понятия *документ* не состоялась. Во всех определениях документ единогласно трактуется как *разновидность информации*, материально зафиксированная в знаковой форме.

На каком же уровне научного знания локализуется понятие *документ*? То ли оно элемент эмпирического знания, т.е. реальный эмпирический факт, то ли созданный теоретическим мышлением идеальный объект, умопостигаемый, но не наблюдаемый? В первом случае *документ* – понятие эмпирического документоведения; во втором – теории документологии. Эта эпистемологическая дилемма решается в пользу документологии, потому что информация – столь же типичный идеальный объект, как и сам документ, а эмпирический предмет не может быть разновидностью идеального объекта, как алфавит не может быть разновидностью мысли.

Следовательно, теоретический, а никак не эмпирический уровень является основным и определяющим в познании сущности и закономерностей документа. Поэтому определение документа как идеального объекта, принятое в теории документологии, следует принять в качестве исходного в познании документосферы. О познавательной ценности идеального документа свидетельствуют, во-первых, факт безусловного (безоговорочного) заимствования его эмпирическим документоведением в качестве аксиоматической истины; во-вторых, формирование не в поле эмпирической практики, а в пространстве теоретического познания документа методологических направлений, продолжающих «линию Отле» или «линию Маклюэна». Остановимся кратко на этих направлениях, поскольку именно они определяют современное содержание документологии и перспективы её развития.

1. Информационная методология документологии. Поиску ответа на вопрос «Что есть информация?» я посвятил 13 статей – информатических опусов, опубликованных в 2010–2013 гг. на страницах журнала «Научные и технические библиотеки». В 2020 г. опусы были обобщены в монографии [16]. Исследования показали, что информация как общенаучная категория (идеальный теоретический объект) представляет собой *амбивалентный* (идеально-материальный) феномен, выражающий смыслы в коммуникабельной знаковой форме.

Амбивалентность (двойственность) природы информации обусловливает единство идеального содержания и материального носителя всех информационных явлений, включая мышление, живую речь, знаки и символы, коммуникацию, компьютерные сети и т.д. Очевидно, что документы всех типов и видов – также явления *амбивалентные*, причём информация первична, а документ вторичен, ибо информация может существовать независимо от документов, а документы всегда информативны. Какие типы информации известны и какие из них могут быть документированы?

Толковые словари почти единогласно утверждают, что информация – это сведения (знания, сообщения), передаваемые в процессе коммуникации. Подобный тип информации известен как **семантическая информация**, представляющая собой способ выражения духовных смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов, фантазий), человекочитаемыми коммуникабельными знаками. Учитывая знаковую форму семантической информации, её можно назвать знаковой или семиотической.

Изобретение в XIX в. телеграфа, телефона, затем радио и компьютерной техники обусловило появление **машинной информации**, понимаемой как способ передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов. Машинная информация именуется также сигнальной или кодированной (цифровой, дискретной, континуальной).

Семантическую и машинную информацию, учитывая их социальную природу, можно считать родственными типами **социальной информации**, циркулирующей в обществе и изучаемой общественными (социальными) и техническими науками.

Известны и другие типы информации: *математическая*, трактуемая как «снятая неопределённость» и измеряемая количественно в битах, байтах и т.п.; *биологическая* (генетическая), характеризующая естественные процессы в биосфере; *элементарная*, свойственная неживой материи. Кроме того, в научной литературе мелькают метафоры: информация – это мера «разнообразия», «сложности структур», «организации»; «средство создания порядка из беспорядка» и др.

Документировать можно не все типы информации, а только семантическую (знаковую) и машинную (машиночитаемую), так как они могут быть зафиксированы на материальном носителе для передачи в социальном пространстве и времени. Документалист-кибернетик Г. Г. Воробьёв выдвинул «критерий документоспособности» информации: «Под документом понимается семантическая информация, выраженная на любом языке и зафиксированная любым способом на любом носителе с целью её обращения в динамической системе, иными словами, всё то, что в принципе может храниться в архивах, библиотеках, музеях» [17. С. 6].

Этот критерий не является формально-поверхностным, как может показаться. Архивы, библиотеки, музеи – исторически сформировавшиеся институты общественной памяти, хранилища фондов социально ценной семантической (смысловой) информации. Именно её и нужно документировать в качестве современного культурного наследия, учитывая, разумеется, что реальный документ не может из века в век оставаться идентичным.

Библиотечным бакалаврам полезно иметь в виду замечание Р. С. Гиляревского об интернете, который «создаёт совершенно новое пространство как бы единой научной книги или журнала и служит воплощением дерзких идей Поля Отле о всемирной энциклопедии и Герберта Уэллса о мировом мозге» [7. С. 453].

Ю. Н. Столяров в одной из своих книговедческих статей пророчески заметил: «Если книговедение перестанет занимать в электронной книжной культуре позицию стороннего наблюдателя, а возглавит идущие в ней процессы, оно будет шагать в ногу со временем» [18. С. 41]. Этот призыв в полной мере относится к научной школе документологии, возглавляемой самим Юрием Николаевичем.

Значительным вкладом в информационную методологию документологии является докторская диссертация Е. В. Динер «Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории», защищённая в 2015 г. по специальности 05.25.03 Библиотекведение, библиографоведение, книговедение [19]. Диссертант рассматривает феномен книги эмпирически, как реальный объект, участвующий в коммуникации, и теоретически, как научную категорию документологии. Е. В. Динер исходит из того, что электронная книга является типом электронного документа так же, как книга как таковая – типом документа как такового, и подчёркивает, что материальный носитель не меняет существенных свойств книги, а только определяет специфику передачи и восприятия информации.

Для обоснования методологии документивных исследований важен вывод автора о том, что логический объём понятия *книга*, как и понятия *документ*, является размытым множеством, состоящим из предметов, в различной степени обладающих свойствами книги или документа. Этот вывод имеет ключевое значение для определения понятия *электронная книга*.

Вслед за своим учителем Ю. Н. Столяровым книговед-методолог Е. В. Динер подчёркивает: термин *электронная книга*, как и термин *нонэлектронная книга*, может быть употреблён в субстанциональном и функциональном значениях и обладает относительностью, условностью и конвенциональностью. Таким образом, в теории документологии информационный подход смыкается с конвенциональным.

2. Конвенциональная методология документологии. О ней чётко и категорично заявил Ю. Н. Столяров: «Понятие документа в своей сущности относительное, конвенциональное и условное» [15. С. 126–136]. Напрашиваются уточнения с точки зрения теории познания. Если относительность понятия *документ* принимать как утверждение, что определения документоведов и документологов являются не абсолютной (незыблемой) истиной, а относительной, поскольку уровень познания ограничен историко-культурными условиями, то нет смысла лишний раз напоминать об этом. Тем более что границы понятия в виде размытого множества устанавливаются по договорённости.

Следует иметь в виду, что логика не знает условных понятий; она оперирует наблюдаемыми и измеряемыми объёмами и содержаниями, а не условными конвенциями. Поэтому «условный документ» в коммуникационном процессе выглядит как ложь, выдающая себя за правду, а правдивое сообщение – всегда «безусловный документ». Во всяком случае, в документосфере бытуют как условные, так и безусловные документы, и совсем не обязательно считать сущность документа условной. Допустимо оперировать условностями в этикете или художественном творчестве, но неправомерно категорически заявлять в общей теории документа, что «понятие документа в своей сущности условное». Однако нельзя вообще отказаться от конвенций в документологии.

В философии науки признаётся *конвенционализм* – методологический приём, согласно которому решение эмпирических проблем в рамках научных теорий вытекает из ранее принятых понятийных (терминологических) соглашений. К этим соглашениям не применяются критерии истинности; они обусловлены соображениями удобства, простоты, эстетического совершенства и т.п. [20].

Методы конвенционализма используются в логическом позитивизме, признающем, что конвенции заключаются авторитетными, образующими элитную группу, учёными, формулирующими ценности, следование которым полагается целесообразным и потому рациональным. Сила конвенции не в логической или эмпирической доказательности, а в таком психологическом воздействии, как вера: «бессознательная уверенность в чём-либо, не основанная на том или ином конкретном знании» (Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. – М. : Проспект, 2009. – С. 62).

В документологии конвенции могут служить промежуточным звеном между эмпирическим и теоретическим знанием, преодолевая формально-логические запреты. Так, Ю. Н. Столяров замечает, что одна и та же книга в какой-то библиотеке получает статус документа, так как есть уверенность в её полезности, а в другой интереса не представляет и документом не признаётся [2. С. 18].

Эмпирический факт: «Приключения Буратино» – документ для детской библиотеки, а для научно-технической – «недокумент».

Конвенционализм легко примиряется с истинностью подобного факта, тогда как по законам формальной логики она неприемлема, потому что данный факт противоречит закону исключённого третьего (два противоречивых суждения об одном и том же объекте не могут быть одновременно и ложными, и истинными); одна и та же книга не может быть и документом и «недокументом» одновременно. Этот элементарный пример показывает, что конвенциональность в документологии нуждается в уточнении области её действия.

3. Медиалогический подход в документологии. Пересечение линий Отле и Маклюэна. Библиотеки и библиография не спешили приобрести к медиакоммуникации. Только в 2016 г. М. Г. Вохрышева опубликовала проблемную статью, в которой осмысливает концепт «медиа» как фундаментальное понятие библиографической науки [21]. Исходя из философско-культурологического методологического подхода, она предлагает собственное понимание медиа в виде культурной универсалии, выступающей в целостном культурно-информационном пространстве как средство передачи информации, источник информации и её содержание (контент). Автор подчёркивает, что медиа не ограничивается прессой, кино, радио и телевидением, а охватывает совокупность баз и банков данных, информационно-телекоммуникационных систем и сетей.

Это обстоятельство обязывает библиографию включить медиа в свою систему, что означает рождение новой библиографической реальности, которую М. Г. Вохрышева именуется медиабibliографией и определяет как культурную практику в системе медиакоммуникаций, связанную с производством, переработкой, хранением и распространением библиографического медиaproдукта. По мнению автора, для полноценного включения библиографии в систему медиакоммуникаций нужны специалисты-библиографы нового типа, владеющие творческим подходом к процессам медиапроизводства и медиапотребления. Их подготовка пока не предусмотрена образовательной программой.

В современном книговедении признаются максимы: «всякая книга есть медиа»; «электронная книга – медиа цифровой культуры»; «библиографический документ – медиа»; «любая библиотека – это медиа».

Отсюда следует постулат: «Библиосфера – сфера существования книги, одновременно является сектором *медиасферы*».

С какими вызовами сегодня сталкивается книга в условиях цифровой медиареволюции? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны междисциплинарные культурологические исследования, посвящённые не только книжной культуре, но и всей медиакультуре, которая образовалась как совокупность книжных, аудиальных, визуальных, аудиовизуальных, экранных, цифровых и прочих информационно-коммуникативных медиа, созданных человеком в ходе культурно-исторической эволюции. Культурологи определяют её как «особый тип культуры информационной эпохи, являющейся посредником между обществом и государством, личностью и социумом, разными странами и континентами» [22. С. 459]. Главная стратегическая цель медиакультуры – формирование гуманистического общества, соответствующего требованиям информационной постиндустриальной ноосферы.

Признанный лидер отечественной медиакультурологии Н. Б. Кириллова считает: «Сегодня очевидно, что на рубеже XX–XXI веков рождается новая наука – *медиалогия*, начинающая обосновываться в теоретическом пространстве. Речь идёт о синтетической науке, которая опирается на основы культурологии и семиотики, философии и политологии, педагогики и менеджмента» [23. С. 6]. Основная идея автора заключается в том, что объектом медиалогии как синтеза гуманитарных наук является триада «общество, медиа, человек» в условиях глобализма и интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, влияющих на общественное сознание и определяющих социализацию личности. Сегодня преждевременно говорить о формировании библиомедиалогии, обобщающей медиапроцессы в отдельных секторах документосферы, включая библиотечное дело и библиографию. Однако уместно обратить внимание на «медиаальный поворот» в отечественной философии.

Более 15 лет при кафедре философии Санкт-Петербургского государственного университета существует Центр медиафилософии, который возглавляет доктор философских наук В. В. Савчук [24]. Центр выпустил антологию по проблеме медиа, 12 сборников статей, несколько

монографий и около 20 философских статей. Тематическое поле исследований Центра медиафилософии – философские проблемы медиалогии и медиакультуры, в том числе: методологические проблемы изучения медиареальности, топология медийных пространств и эпистемология новых медиа, медиа постинформационного общества и медиаэкология социального пространства, медиа как условие глобализации, эстетика медиреальности и др. В этом перечне отсутствуют медиаподходы документологии, что является досадным пробелом. Но позволим себе надеяться, что ликвидация этого пробела будет предусмотрена в завтрашной повестке дня российской документосферы.

Повестка дня на завтра

Документ – удостоверение человечности

Повестка завтрашнего дня российской документосферы пишется на разных языках: на эмпирическом языке административной культурной политики и на языках научных теорий, не забывающих о традициях Поля Отле и Маршалла Маклюэна. Эмпирическая культурная политика воплощена в «Стратегии развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года». Документ исходит из того, что в период кардинальных технологических перемен, глобализации и беспрецедентного роста объёмов информации необходимо устойчивое развитие библиотечной сети, обеспечивающей реализацию конституционных прав граждан на свободный доступ к информации, приобщение к ценностям российской и мировой культуры, практическим и фундаментальным знаниям, а также на творческую самореализацию.

Для достижения названных целей требуется решить целый ряд политических задач: разработка нормативно-правовой базы для модернизации библиотек; создание информационных систем и платформ федерального, регионального и корпоративного уровней; подготовка и переподготовка кадров; формирование системы научной и методической поддержки деятельности библиотек всех уровней и ведомственной принадлежности.

Эмпирическая сущность правительственной культурной политики проявляется в том, что, несмотря на декларацию научно-методической поддержки, научное обоснование стратегических решений начисто отсутствует.

Термины *библиотековедение, библиографоведение, книговедение*, не говоря уже о *документологии* или *документософии*, не упоминаются в тексте «Стратегии». Даже принцип научности не назван среди стратегических принципов развития российского библиотечного дела. Игнорируется необходимость развитой документально-книжной инфраструктуры для обеспечения национальной безопасности страны.

Мы считаем, что декларированная политическая стратегия библиотечного дела в Российской Федерации должна быть дополнена **научной стратегией**, направленной на прогресс всех уровней научного познания документа, т.е. уровней эмпирического, теоретического и философского знания. Планируя завтрашнюю повестку, будем учитывать исторически сложившуюся неравномерность развития разных уровней познания и актуальные стратегические задачи каждого уровня. Наиболее обширным и практически востребованным является эмпирическое знание, полученное в процессе многовековой социальной практики письменности и книгопечатания, книжного и библиотечно-библиографического дела.

В XX в. сформировались классические эмпирические дисциплины – библиографоведение, библиотековедение, книговедение, традиционно изучаемые в библиотечной школе. Эти дисциплины всегда присутствовали в государственном перечне научных специальностей. Так, в номенклатуре, утверждённой в октябре 2017 г., в области социальных и гуманитарных наук была предусмотрена специальность 05.25.03 Библиотековедение, библиографоведение и книговедение, по которой присуждались степени кандидатов и докторов наук.

Однако сегодня возникла скандальная ситуация: в новейшем перечне научных специальностей, утверждённом 24 февр. 2021 г. приказом министра науки и высшего образования, библиотечно-библиографическая и книговедческая специальности отсутствуют. Нашлось место для документалистики, документоведения, архивоведения, музееведения, медиакоммуникации и журналистики, теории и истории культуры, информационных технологий и искусственного интеллекта, а вот теория и история книги, книжная коммуникация и культура оказались министерским экспертам устаревшими и архаичными. Теперь в научной стратегии актуализируется борьба с дискриминацией книжно-библиотечной отрасли в структуре российской науки.

Теоретический уровень познания документа омрачается документивной коллизией между документологией, продолжающей «линию Отле» [15], и новым книговедением, развивающим «линию Маклюэна» [11]. В чем суть коллизии? Интеллигент-книжник Ю. Н. Столяров исповедует высокую гуманистическую миссию отечественной документологии: «**Документ** как социальный феномен представляет собой вершину человеческой мысли как в ноосферном, так и в материальном отношении, и именно документ представляет собой движущую силу цивилизационного прогресса» [2. С. 36].

Новое книговедение утверждает «гносеологически плодотворное представление о гуманитаристике как о расходящемся дискурсе» и ратует за «междисциплинарный синтез книговедения с жизнеспособными и активно развивающимися научными направлениями современной медиалогии, коммуникативистики, социологии, который, несомненно, будет способствовать обогащению науки, выявлению новых закономерностей функционирования книги и книжного дела в информационной системе "культура"» [11. С. 48].

На мой взгляд, в XXI в., когда документосфера подверглась нашествию технотронных, аудиовизуальных, электронных документов, научное познание сущности документа на основе гуманитаристического синтеза приобрело повышенную актуальность, о чём напомнили статьи Ю. Н. Столярова [1, 2]. Поэтому в повестке завтрашнего дня документосферы целесообразно предусмотреть издание второй, дополненной и исправленной редакции учебника по документологии и подготовку учебника по библиомедиалогии (книжной медиалогии) на базе нового книговедения. Также необходим толковый словарь документознания. Но этого недостаточно для научного познания документа.

Мы вынуждены констатировать отсутствие философского уровня в повестке будущего познания документа. В настоящее время мы располагаем обширными массивами эмпирического знания о всевозможных документах и активно развивающимися, хотя и размытыми документными теориями. При этом документосфера никогда не рассматривалась как объект философской рефлексии. В книговедческой науке известна библиософия – философия книги (далее сбивчивых трактовок

этого термина дело не продвинулось), а в документоведческих опусах философия документа – документософия даже никогда не упоминалась. Возникает вопрос: нужно ли философское познание документа для решения стратегических вызовов завтрашнего дня?

И. Кант (1724–1804) считал, что всякое познание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и разуму [25]. Рассудок – первая ступень рационального познания в виде субъективного мнения, основанного на привычных стереотипах обыденного опыта и индивидуальном здравом смысле. Разум – вторая ступень рационального познания, оперирующая достоверными фактами и логическими законами. Типичным продуктом разума является теоретическое знание, которое характеризуется объективностью, универсальностью и претендует на истинность благодаря логической обоснованности, проверяемости, воспроизводимости результатов и исключению противоречий. Третья ступень – философская мудрость, непосредственно постигающая смысловое единство противоречий и противоположностей [26].

Нетрудно заметить следующую корреляцию: рассудок – рациональная основа эмпирического познания вообще и познания документа в частности; разум – рациональная основа теоретического познания документосферы документологическими школами; философская мудрость – не востребована, и единство противоречий и противоположностей, свойственных документу, не учитывается. Следовательно, познание феномена документа, документных потоков, документных фондов и документосферы в целом получается односторонне рационалистическим в духе классического позитивизма Огюста Конта (1798–1857).

Мудрость неклассической философии заключается в том, что в процессе познания учитывается как рациональная, так и противоположная ей иррациональная сторона изучаемых реалий. Рациональная сторона дана в ощущениях, осознаётся рассудком и разумом, а иррациональная постигается умозрительно посредством эмоциональных переживаний (любовь, ненависть, зависть), интуиции, воображения, и т.п. Современные психоаналитики признают за документами, прежде всего за литературой, иррациональную магическую силу, источниками которой считаются как коллективное бессознательное рода-племени, воплощённое в естественном языке и механизме воображения, так и личная творческая энергетика автора.

В 1930 г. писатель-гуманист Герман Гессе (1877–1962) в эссе «Магия книги» написал: «Без слова, без письменности и без книг нет истории, нет понятия человечества. У всех народов слово и письмо есть нечто священное и магическое, и письмо повсюду превозносилось как дар божественного происхождения» [27. С. 133]. Учитывая рациональные и иррациональные качества документа, можно предложить философское определение: *документ – удостоверение человечности, существующей в социальном пространстве и историческом времени.* Достоинство этого определения в том, что оно предполагает не только антропологические или национальные вариации *homo sapiens*, но и философское понимание человечности как единства противоположностей материального и идеального начал мироздания.

Призывая, вслед за Ю. Н. Столяровым, к дальнейшей разработке теоретического уровня познания документа, прошу не забывать о документософии, которая ожидает внимания со стороны будущих философов документосферы и магии книги.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Столяров Ю. Н.** Документология: причины появления, этапы развития / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2021. – № 1. – С. 15–26.
2. **Столяров Ю. Н.** Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа / Ю. Н. Столяров // Там же. – 2021. – № 2. – С. 15–40.
3. **Виноградова Е. Б.** Документологический тезаурус: анализ и использование / Е. Б. Виноградова // Науч. и техн. б-ки. – 2014. – № 5. – С. 67–73.
4. **Ларин М. В.** Актуальные проблемы современного документоведения // Вестн. РГГУ. Документалистика. Документоведение. Архивоведение. – 2014. – № 2. – С. 139–140.
5. **Двоеносова Г. А.** Феномен документа // Науч.-техн. информ. Сер. 1. – 2015. – № 6. – С. 1–8.
6. **Гордукалова Г. Ф., Захарчук Т. В., Плешкевич Е. А.** Документоведение. Часть 1. Общее документоведение. – Санкт-Петербург : Профессия, 2013. – 320 с.
7. **Документоведение.** Часть 2. Книговедение и история книги / под ред. Д. А. Эльяшевича. – Санкт-Петербург : Профессия, 2013. – 464 с.

8. **Швецова-Водка Г. Н.** Общая теория документа и книги : учеб. пособие. – Москва : Рыбари; Киев : Знання, 2009. – 487 с.
9. **Маклюэн М.** Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев : Ника-Центр ; Издат. дом Дмитрия Бурого, 2003. – 432 с.
10. **Маклюэн М.** Понимание Медиа. Внешние расширения человека. – Москва : Кучково поле, 2011. – 464 с.
11. **Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А.** Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. – 2021. – № 1. – С. 43–53.
12. **Эльяшевич Д. А.** Книговедение: жизнь после смерти // Книга и книжное дело в XIX – XXI веке. Тр. СПбГИК. – 2018. – Т. 217. – С. 55–82.
13. **Лебедев С. А.** Уровни научного знания // Вопр. философии. – 2010. – № 1. – С. 62–75.
14. **Ларьков Н. С.** Документоведение : учеб.; 3-е изд. – Москва : Проспект, 2016. – 416 с.
15. **Столяров Ю. Н.** Документология : учеб. пособие. – Орёл : Горизонт, 2013. – 369.
16. **Соколов А. В.** Науки об информации для библиотекарей: моногр. – Москва : Юрайт, 2020. – 190 с.
17. **Воробьёв Г. Г.** Информационная теория документа: автореф. дис. ... д-ра техн. наук / МГИАИ. – Москва, 1979. – 36 с.
18. **Столяров Ю. Н.** Причины кризиса в книговедении // Книга. Исследования и материалы. Сб. 1–2 (118–119). – Москва : Наука, 2019. – С. 32–42.
19. **Динер Е. В.** Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории: дис. ... д-ра пед. наук / МГУКИ. – Москва, 2015. – 453 с.
20. **Порус В. П.** Конвенционализм // Новая филос. энцикл.: в 4 т. – Т. 2 – Москва : Мысль, 2010. – С. 283–284.
21. **Вохрышева М. Г.** Библиография в системе медиакоммуникации // Библиография. Научн. журн. по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. – 2016. – № 1. – С. 17–24.
22. **Кириллова Н. Б.** Медиакультура: теория, история, практика : учеб. пособие. – Москва : Академический проект; Культура, 2008. – 496 с.
23. **Кириллова Н. Б.** Медиалогия как синтез наук. – Москва : Академический проект, 2013. – 368 с.
24. **Савчук В. В.** Медиафилософия. Приступ реальности. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2014. – 350 с.
25. **Швырев В. С.** Разум // Новая филос. энцикл.: в 4 т. – Т. 3. – Москва : Мысль, 2010. – С. 403–404.

26. **Автономова Н. С.** Рассудок, разум, рациональность. – Москва : Наука, 1988. – 287 с.

27. **Гессе Г.** Магия книги : сб. эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. – Москва : Книга, 1990.

REFERENCES

1. **Stolyarov Yu. N.** Dokumentologiya: prichiny poyavleniya, etapy razvitiya / Yu. N. Stolyarov // Nauch. i tehn. b-ki. – 2021. – № 1. – S. 15–26.

2. **Stolyarov Yu. N.** Ishodnye postulyaty dokumentologii – vseobshchey teorii dokumenta / Yu. N. Stolyarov // Tam zhe. – 2021. – № 2. – S. 15–40.

3. **Vinogradova E. B.** Dokumentologicheskiy tezaurus: analiz i ispolzovanie / E. B. Vinogradova // Nauch. i tehn. b-ki. – 2014. – № 5. – S. 67–73.

4. **Larin M. V.** Aktualnye problemy sovremennogo dokumentovedeniya // Vestn. RGGU. Dokumentalistika. Dokumentovedenie. Arhivovedenie. – 2014. – № 2. – S. 139–140.

5. **Dvoenoseva G. A.** Fenomen dokumenta // Nauch.-tehn. inform. – Ser. 1. – 2015. – № 6. – S. 1–8.

6. **Gordukalova G. F., Zaharchuk T. V., Pleshkevich E. A.** Dokumentovedenie. Chast 1. Obshchee dokumentovedenie. – Sankt-Peterburg : Professiya, 2013. – 320 s.

7. **Dokumentovedenie.** Chast 2. Knigovedenie i istoriya knigi / pod red. D. A. Elyashevicha. – Sankt-Peterburg : Professiya, 2013. – 464 s.

8. **Shvetsova-Vodka G. N.** Obshchaya teoriya dokumenta i knigi : ucheb. posobie – Moskva : Rybari; Kiev : Znannya, 2009. – 487 s.

9. **Maklyuen M.** Galaktika Gutenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoy kultury. – Kiev : Nika-Tsentr; Izdat. dom Dmitriya Burago, 2003. – 432 s.

10. **Maklyuen M.** Ponimanie Media. Vneshnie rasshireniya cheloveka. – Moskva : Kuchkovo pole, 2011. – 464 s.

11. **Elyashevich D. A., Mutev V. A.** Novoe knigovedenie: vzglyad v budushchee // Bibliosfera. – 2021. – № 1. – S. 43–53.

12. **Elyashevich D. A.** Knigovedenie: zhizn posle smerti // Kniga i knizhnoe delo v XIX–XXI veke. Tr. SPbGIK. – 2018. – T. 217. – S. 55–82.

13. **Lebedev S. A.** Urovni nauchnogo znaniya // Vopr. filosofii. – 2010. – № 1. – S. 62–75.

14. **Larkov N. S.** Dokumentovedenie : ucheb.; 3-e izd. – Moskva : Prospekt, 2016. – 416 s.

15. **Stolyarov Yu. N.** Dokumentologiya : ucheb. posobie. – Orel : Gorizont, 2013. – 369.
16. **Sokolov A. V.** Nauki ob informatsii dlya bibliotekarey: monogr. – Moskva : Yurayt, 2020. – 190 s.
17. **Vorobev G. G.** Informatsionnaya teoriya dokumenta: avtoref. dis. ... d-ra tehn. nauk / MGIAI. – Moskva, 1979. – 36 s.
18. **Stolyarov Yu. N.** Prichiny krizisa v knigovedenii // Kniga. Issledovaniya i materialy. Sb. 1–2 (118–119). – Moskva : Nauka, 2019. – S. 32–42.
19. **Diner E. V.** Teoretiko-metodologicheskie podhody k obosnovaniyu elektronnoy knigi kak knigovedcheskoy kategorii: dis. ... d-ra ped. nauk / MGUKI. – Moskva, 2015. – 453 s.
20. **Porus V. P.** Konventsionalizm // Novaya filos. entsikl.: v 4 t. – T. 2. – Moskva : Mysl, 2010. – S. 283–284.
21. **Vohrysheva M. G.** Bibliografiya v sisteme mediakommunikatsii // Bibliografiya. Nauchn. zhurn. po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu. – 2016. – № 1. – S. 17–24.
22. **Kirillova N. B.** Mediakultura: teoriya, istoriya, praktika : ucheb. posobie. – Moskva : Akademicheskij proekt; Kultura, 2008. – 496 s.
23. **Kirillova N. B.** Medialogiya kak sintez nauk. – Moskva : Akademicheskij proekt, 2013. – 368 s.
24. **Savchuk V. V.** Mediafilosofiya. Pristup realnosti. – Sankt-Peterburg : Izd-vo RHGA, 2014. – 350 s.
25. **Shvyrev V. S.** Razum // Novaya filos. entsikl. V 4 t. – T. 3. – Moskva : Mysl, 2010. – S. 403–404.
26. **Avtonomova N. S.** Rassudok, razum, ratsionalnost. – Moskva : Nauka, 1988. – 287 s.
27. **Gesse G.** Magiya knigi : sb. esse, ocherkov, feletonov, rasskazov i pisem o knigah, chtenii, pisatel'skom trude, bibliofilstve, knigoizdanii i knigotorgovle. – Moskva : Kniga, 1990.

Информация об авторе / Information about the author

Соколов Аркадий Васильевич – доктор пед. наук, проф., профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

sokolov1.spb@gmail.com

Arkady V. Sokolov – Dr. Sc. (Pedagogy), Prof., Professor St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russian Federation

sokolov1.spb@gmail.com